

В. Г. Борухович

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКИХ ВОЙН

(исторический очерк)

После победы при Филиппах Антоний и Октавиан оозвершили торжественное жертвоприношение и воздали публичную хвалу своим победоносным легионам. Затем Октавиан отправился в Италию с ветеранами, которым он должен был раздать земли. Антоний же направился на Восток, чтобы там изыскать деньги для уплаты солдатам. Победители перераспределили между собой провинции: Цизальпинская Галлия была соединена с Италией, а Антоний был вознагражден Нарбонской Галлией, отнятой у Лепида. Авторитет последнего, никогда не стоявший особенно высоко, в эти месяцы сильно пошатнулся: он был даже заподозрен двумя другими триумвирами в тайных сношениях с Секстом Помпеем. Тем не менее, за Лепидом была оставлена Африка. Испания была передана Октавиану, Сицилию и Сардинию предстояло отнять у Секста Помпея. Все это было закреплено в форме письменного договора, под которым оба триумвира поставили свои подписи и печати (Дион Кассий, 46,2,4).

Солдаты, срок службы которых вышел, были отпущены, кроме 8000, изъявивших желание остаться на дополнительный срок (все они были зачислены в преторианские когорты). По данным Аппиана, Антоний получил для своего похода на Восток 6 легионов и 10000 всадников, Октавиану были оставлены 5 легионов и 4000 всадников. Но из предложенных ему 5 легионов два он отдал Антонию, взяв взамен те войска, которые Антоний оставил под командованием Квинта Фуфия Калена в предгорьях Альп.

Всего отпущенных по домам ветеранов было 28 легионов (около 170000 человек). Награждение их земель происходило за счет 16 италийских общин, жители которых бурно, но безрезультатно протестовали против экспроприации их земельной собственности¹. В

¹ В ходе этих конфискаций потерял свои земля пост Вергилий, лишившись своих имений Тибул и Проперций. Вергилию был возвращен его участок при посредстве Азиния Поллиона, который был не только полководцем, но и литератором, и мог рассматривать

эти месяцы Италия напоминала завоеванную страну, а устроители колоний, носившие звание легатов с пропреторской властью - наместников завоеванных провинций.

В стране сложилось исключительно тяжелое положение. Избурженное конфискациями, чрезвычайными налогами и контрибуциями, население Италии пришло в движение. За отобранные земли триумвиры должны были заплатить, но цены на земельные участки назначались без учета новых рыночных отношений, участки отбирались взвешиво. И эти деньги триумвиры не были в состоянии выплатить: их попросту не было. Солдаты, не удовлетворяясь полученным, грабили соседей (Апп. У, 13). Кроме того, у новых поселенцев часто не было ни сельскохозяйственного инвентаря, ни скота, чтобы наладить производство сельскохозяйственных продуктов на полученных землях. Наряду с кровопролитными стычками между старыми и новыми владельцами, стала учащаться выступления масс городского плебса. Городская жизнь была дезорганизована, ремесла приходили в упадок, торговля замирала вследствие общего неустойчивого положения, вызванного гражданскими войнами. Снабжение Рима и итальянских городов хлебом было нарушено вследствие блокады Италии со стороны флота Секста Помпея (в данный момент триумвиры оказались бессильны против Помпея: своего флота у них не было). В Италии не оказалось хлеба, так как сельское хозяйство в условиях непрекращающихся гражданских войн не давало товарного зерна (Апп. У, 18). К тому же основная производительная сила в сельском хозяйстве - рабы, трудившиеся в латифундиях и виллах, воспользовавшись создавшимся положением, массами бежали. Многие из них присоединялись к Сексту Помпею, который охотно принимал

Вергилия в качестве собрата по перу. Октавиан вернул Вергилию отобранное имение, и тот воспел его в первой эклоге как молодого бога, вернувшего Италию благосостояние и спокойствие (41 г. до н.э.). Славословие это оказалось, однако, преждевременным: в ходе так называемой "Перузинской войны" между сторонниками Октавиана и Антония он был вновь силой изгнан из своего имения и едва не погиб от руки какого-то центуриона. Азаний Поллион, бывший покровитель Вергилия, к этому времени был омеиан (Поллион был приверженцем Антония), и округ Мантуи, где находилось имение Вергилия, вновь оказался оглашенным зетеранам. Поэт отправился в Рим, и на этот раз ему оказал помощь Мелциат, друг и советник Октавиана: при его содействии Вергилию удалось вторично вернуть себе имение...

всех, недовольных режимом триумвиров. Беспорядки в городах, вызванные непрерывным ростом цен, привели к тому, что Октавиан был вынужден пойти на уступки массам городской бедноты. Была ограничена квартирная плата, но это мало помогло.

Затруднениями Октавиана, оказавшегося между двух огней (с одной стороны, на него давила ветераны, аппетиты которых все увеличивались; с другой стороны, надо было как-то учесть и интересы экспроприруемых собственников), воспользовались его противники, во главе которых встали Фульвия, жена Марка Антония, и брат триумвира Луций Антоний. С 1 января 41 г. до н.э. последний занял должность консула и стал использовать свое положение для консолидации сил противников Октавиана. Скорее всего, он делал это не без тайного участия Марка Антония, находившегося в это время на Востоке². Увлеченный романом о прекрасной египетской царице, Антоний, однако, внимательно оделял за тем, что происходило в Италии. Консул Луций Антоний притворялся приверженцем демократии³. Воздух он распространял слухи, что его брат готов сложить с себя звание триумвира и восстановить древнюю конституцию государства, и что единственным препятствием к этому служит властолюбие остальных триумвиров, в первую очередь Цезаря Октавиана. Оживленная пропаганда велась Л. Антонием среди солдат и ветеранов, у которых в это время имя Марка Антония - победителя при Филиппах - все еще было популярным⁴. Уже в ходе Перузинской войны Луций Антоний, выступив в Рим, произнес перед римским народом речь, в которой заверял, будто его брат, Марк Антоний, стремится снять с себя власть триумвира, заменив эту противозаконную тиранию консульской властью... установленной обычаями предков" (App, V, 30).

2 О переписке Фульвии со своим мужем упоминает Аппиан (V, 21), которому, правда, не удалось установить содержание ответных писем М. Антония.

3 Аппиан всерьез называет Луция Антония приверженцем демократии (V, 19) - вероятно, под влиянием источника, использованного им при написании этой части своего труда.

4 Charlesworth M.P. Some fragments of the Propaganda of Mark Antony. - Classical Quarterly, 1933, т. XXVII, p. 172 sqq.; Clauning A.E. Die Anhängerschaft des Antonius und des Octavian. Leipzig, 1936.

В легионах, расквартированных в Италии, как принадлежавших Октавиану, так и находившихся под командованием офицеров Антония, были сильны примирительные настроения. Два легиона, стоявшие в Анконе, потребовали от Октавиана, чтобы он примирился с Луцием, а все споры разрешил на суде (Апп, У, 23). Однако примирение не состоялось, и оба полководца, Октавиан и Антоний, стали готовиться к войне. По сведениям Аппиана (У, 24), у Луция было едва ли не 17 легионов, тогда как Октавиан располагал всего 4, находившимися в Капуе (он ожидал прибытия Сальвидиена, двигавшегося с 6 легионами из Испании). Италики больше поддерживали Луция, надеясь найти в нем защитника от притязаний триумвиров.

В ходе военных действий Рим занимали поочередно то Луций, то Октавиан. Заняв Рим, Луций добился того, что Октавиан и Лепид были объявлены вне закона (решением "народного собрания"). Народ даже награждал Луция званием "императора" (Дион Кассий, 48, 13, 5). Но как только город заняли войска Октавиана, как врагом был объявлен - все теми же комициями - консул Луций Антоний...

С прибытием войск Сальвидиена перевес явно склонился на сторону Октавиана. Два его полководца, Сальвидиен и Агриппа, оказались на флангах армии Луция, и тот поспешно отступил в Перузию (поэтому война получила название "Перузинской"). В этом городе Луций Антоний был осажден. Двигавшиеся на соединение с Луцием войска Азиния Поллона и Вентилия Планка (полководцев Марка Антония) была отогнаны Агриппой, сумевшим оттеснить их к северу. В конце концов, жестокий голод заставил осажденных капитулировать (начало февраля 40 г. до н.э.). Как описывает Светоний, Октавиан особенно жестоко обошелся с жителями Перузии, казнив декуронов и всадников: "Некоторые падают, что триста человек из числа капитулировавших того и другого сословия были зарезаны у алтаря Божественного Юлия, воздвигнутого в Мартовские календы, наподобие жертвенных животных" (Светоний, Август 15). Но, как мы читаем у Тацита Ливия (ер. 126), Луций Антоний был помилован вместе с его войсками. Это было уступкой Марку Антонию, с которым Октавиан в этот момент ещё не хотел окончательно порвать, так как время для решения вопроса о единоличной власти в Риме ещё не подошло. Война была закончена Октавианом малой кровью (citra illum sanguinem, как пишет Ливий в цитированном месте).

Находясь на Востоке, в ореоле славы победителя при Филиппах, Марк Антоний вел себя как всемогущий повелитель мира. Царя и династы толпились у него в передних, угождая и заискивая перед его офицерами. В числе прочих к Антонию была приглашена египетская царица Клеопатра, возлюбленная покойного диктатора. Плутарх, не жалея красок, так описывает романтическую встречу. Царица отправилась на корабле "с вызолоченной кормой, пурпурными парусами и посеребренными веслами, которые двигались под напев флейты, стройно сочетавшейся со свистом свирелей и бряцанием кифар. Царица покоилась под расшитой золотом сенью в уборе Афродиты, какою изображают её живописцы, а по обеим сторонам ложа стояли мальчики с опахалами - будто эроты на картинках... Дивные благоухания исходила из бесчисленных курьельниц и растекались по берегам". (Плутарх, Антоний, 26).

Встреча произошла в Киликии, в Тарсе. Клеопатра была не только красивой женщиной, но обладала ещё и большим обаянием, знала многие языки... Антоний был очарован восточной царицей, но главным, вероятно, было то, что он и в любовных приключениях хотел выглядеть достойным преемником Цезаря. Как отмечает Плутарх в цитированной биографии, этой страсти суждено было стать роковой для Антония, а Аппиан прямо пишет, что охватившая его страсть сделала для него и началом и концом всех дальнейших бедствий... (У, 10).

Проведя некоторое время за устройством сирийских дел (где в это время усилилось парфянское влияние), Антоний поспешил к Клеопатре в Александрию. При его грубой и пошловатой манере, в которой он копировал старшего Цезаря, ему особенно импонировала роль любовника Клеопатры. Но уже в первые месяцы 40 года ему пришлось вернуться к сирийским делам, в связи с усилением в Парфии военной группировки и новым вторжением парфян в Сирию. Они захватили большие города Сирии - Аппамею и Антиохию. Легат Антония Децидий Сакса был разбит и с ним погуб. Антоний решил взять на себя оборону Сирии, но в это время тревожные события в Италии (где в ходе Перузинской войны его сторонники потерпели поражение) заставили его срочно отплыть в Италию с огромным флотом в 200 кораблей.

Война между Октавианом и Антонием в этой ситуации казалась неизбежной. К Антонию примкнули все недовольные политикой Октавиана, пострадавшие от конфискаций и чрезвычайных излогов, ре-

спубляканцы - сторонники все еще живой сенатской партии. С Антонием вступил в переговоры Секст Помпей, в ходе которых обещал ему помощь в борьбе против Октавиана. Антоний в свою очередь обещал Помпею содействие в легализации его положения, в случае, если войны не произойдет, а посредничество в примирительных переговорах с Октавианом (Аппиан, У, 52).

Флот Антония блокировал Брундизий, в то время как паратропные суда Помпея жгли и грабили прибрежные города и селения Италии. В этой напряженной обстановке легионы решили вновь взять в свои руки судьбы Италии и мира. Под давлением солдатских масс Антоний и Октавиан пошли на переговоры, местом для которых был избран Брундизий. Интересы Октавиана представлял его испытанный дипломат и личный друг Гай Цильний Меценат, интересы Антония - его полководец Азиний Поллион. В результате переговоров был заключен Брундизийский договор (осень 40 г. до н.э.) на следующих условиях. Морь был поделен между двумя триумвирами на две части по линии, проходившей с севера на юг через адриатический город Скродру: Антонию достался Восток, Октавиану - Запад. Лепиду оставалась Африка, но он должен был уступить свои легионы Антонию, нуждавшемуся в войсках для похода против парфия. Антонию же должен был отдать войска, находившиеся до этого под командованием Фуфия Калена, и Гай Цезарь Октавиан. Договор был укреплен династическим браком: сестра Октавиана, Октавия, должна была стать женой Антония вместо умершей Фульвии.

В этом соглашении интересы Помпея не были приняты во внимание, а последствия этого Октавиан сразу же почувствовал. Продолжающаяся блокада берегов Италии флотом Секста Помпея и надвигающийся на Италию голод заставлял жителей итальянских городов (вместе с населением Рима) выступать с резкими требованиями улучшить снабжение. Поэтому Октавиан и Антоний оказались вынужденными вступить в переговоры с Помпеем. Они состоялись на Мисенском мысе³.

3 Напротив Мисенского мыса находится небольшой островок Эзария, туда и прибыл на роскошной галере Помпей с большой escolдой. Оттуда флот Помпея подошел у Путеолам, небольшому поселению на Мисенском мысе. Аппиан называет это поселение его греческим названием - Дикворгия - это была одна из многочисленных греческих колоний в этом районе. "С рассветом вбеля посредине моря на небольшом расстоянии кодыя, настлели на эти кодыя доски, я из устроенных таким образом двух настилов на тот, который был сооружен со стороны суши, взосли Цезарь и Антоний,

В результате Мисенского соглашения 39 г. до н.э. Помпей фактически был признан властителем большой части территории, находившейся под римским контролем. Доля его состояла из Сицилии, Сардиния, Корсики и Восточной Греции (Пелопоннеса). В обмен на эту территорию Помпей обязался обеспечить мир и свободу торговли в западной части Средиземноморья и — самое главное — обеспечить бесперебойный привоз зерна для голодающих городов Италии. Помимо того, Помпей должен был освободить ряд пунктов на побережье Италии, захваченных его эскадрами, и не принимать беглых рабов: но те из них, которые уже служили на кораблях Помпея, были признаны свободными. Лично Помпей было обещано вознаграждение за конфискованное у его отца имущество. Бегавшим к нему из-за проскрапий триумвиров было объявлено прощение и обещан возврат одной четверти имущества (за исключением тех, кто принимал участие в убийстве старшего Цезаря).

Текст договора был запечатан и отослан на хранение в Рим, в храм Весты (Аппиан, У, 73). Нет сомнения, что Октавия ни на мгновение не принимала всерьез этого соглашения, и это понимали в Риме (отзвук этих настроений до нас слова Тацита о Помпее, обманутом "призрачным подобием мира" — *Анналы*, I, 10).

Антоний, получив по Брундизийскому договору новые легионы, не повел их сам против парфян, но поручил ведение войны своему испытанному полководцу, Публию Вентидию Бассу. Последний, дожидаясь прибытия африканских легионов и тех, что прибыли из Италии, реорганизовал свою армию и весной 39 г. начал активные военные действия, напав на войска парфян в Киликии. Среди парфянских начальников войска видную роль играл римлянин Квинт Лабий, составивший порядочное войско из бегавших к нему по политическим причинам римлян. Но летом 39 г. Лабий был разбит в предгорьях Тавра Вентидием и погиб. Вскоре Вентидию удалось освободить от парфян Сирию и Киликию и поставить в этих государствах тех лиц, которые были угодны Антонию. К моменту прибытия Антония на Восток главное было уже сделано, и триумвир мог переключить свое внимание на Италию, где происходили важные события.

а на обратном пути к морю — Помпей и Либон, причем их разделял небольшой пролив, так, что можно было слышать друг друга, не прибегая к крику". Так рисует составовку переговоров Аппиан (У, 71).

В начале 38 г. Гай Цезарь Октавиан решил, что уже настало время расправиться с Секстом Помпеем, который и сам готовился к войне, строил корабли, вербовал гребцов и открыто заявлял своим войскам, что "надо быть готовым ко всему" (Аппиан, У, 77). Как пишет Аппиан в цитированном месте, для римлян не наступило облегчения после Мисенского соглашения и они говорили, что вся разница заключается в появлении четвертого тирана. Но, предпринимая поход против Помпея, Октавиан прежде всего выполнял социальный заказ римских и италийских рабовладельцев, терпевших огромный урон от повального бегства рабов к Помпею.

Начало враждебных действий между Октавианом и Секстом Помпеем было ознаменовано переходом одного из самых видных адмиралов Помпея, Менодора, на сторону Октавиана. Последнему Менодор сдал о. Сардинию вместе с гарнизоном и кораблями.

Борьба вначале шла без особых успехов для Октавиана, так как его флот значительно уступал флоту Помпея, а два других триумвира, Лепид и Антоний, отнюдь не были склонны оказывать ему действительную помощь. Только благодаря искусному ведению переговоров, начатых Меценатом, Октавиану удалось добиться от Антония обещания предоставить корабли в обмен на сухопутные войска. Но, когда Антоний во главе огромного флота появился перед Брундизием, его даже не впустили в гавань, и он был вынужден прятаться в Таренте (Плутарх, Ант. 35). По-видимому, Октавиан расценил такую демонстрацию силы как прямую угрозу своему господству в Италии. Вновь накалившиеся отношения грозили перейти в открытое столкновение. На этот раз инициативу ведения переговоров взяла на себя Октавия ("сестра одного императора и супруга другого", как пишет Плутарх в цитированном месте). В результате достигнутого соглашения, получившего название "Тарентинского договора", Антоний пообещал Октавиану 100 военных кораблей с медными таранам, Октавия выпросила у своего супруга для своего брата ещё 20. Октавиан же предоставил Антонию 2 легиона для войны с парфянами (все это происходило в начале 37 г. до н.э.). Помимо этого триумвиры, теперь даже не прибегая к фикции утверждения своих решений народным собранием ("...не спрашивая уже постановления народа..." - Аппиан, У, 95), в обычном порядке прогнали свои полномочия триумвиров (истекшие 31 декабря 38 г.) ещё на 5 лет, до 31 декабря 33 г. Лепид обещал поя-

витья в районе Сицилии с флотом в начале 36 г. до н.э. Так был кассирован Мисенский договор, недавно заключенный, а Гай Цезарь Октавиан получил возможность уничтожать своих противников, значительно менее пронацательных и расчетливых, чем он, поодиночке, начав с Секста Помпея.

К решающим сражениям с Помпеем Октавиан готовился целый год. Строились корабли, готовились экипажи и капитаны, так как центр тяжести в военных действиях должен был быть перенесен на море. 20000 рабов была использованы в качестве гребцов на новых судах. Командующим в войне с Помпеем был назначен Марк Вилсаний Агриппа, опытный полководец и личный друг Октавиана. Для тренировки гребцов была устроена искусственная гавань в Байях, для этого пришлось соединить Авернское и Лукринское озера: новая гавань получила название Юлианской. В ней были оборудованы большие доки, которые могли принимать военные суда для ремонта и переоборудования. Когда флот был готов, богам были принесены очистительные жертвы на алтарях, поставленных на берегу, в присутствии экипажей кораблей, стоявших в глубоком молчании. Часть жертв была сожжена на берегу, часть брошена в море (Аппиан, У, 96). День отплытия для всех флотов, в том числе и для флота Лепида, который должен был прибыть из Африки, был назначен Октавианом на июль 36 г. до н.э. (так стал называться в честь покойного диктатора Г.Ю.Цезаря римский месяц Квинктилий).

Готовился к войне и Секст Помпей, но принимая лишь оборонительные меры. По меткому замечанию Аппиана (У, 143) Помпей "вследствие какого-то ослепления сам никогда не нападал на врагов, хотя для этого часто представлялся благоприятный случай: он только оборонялся".

В начале июля Октавиан и Агриппа вышли из Путеол (ныне Поццуоли), но начало кампании оказалось неудачным. Корабли попали в шторм у мыса Палинурус (ныне Каstellа делла Маре, район Лукании), и многие суда погибли. Другой адмирал Октавиана, Тавр, выплывший со 130 кораблями из Терента, не осмелился самостоятельно начать операции и вернулся в гавань. Лепид, выплывший из Африки с 70 кораблями и 12 легатскими, повел операции более удачно и осадил полководца Помпея „Гая Пленния, в

Лаллбее, в Сицилии. Но Агриппа энергичными мерами вновь собрал корабли Октавиана и вместе с флотом Статиллия Тавра дал бой флоту Помпея у мыса Милн. Помпеяны потерпели поражение в этом сражении - оказалась длительная тренировка экипажей Октавиана. Кроме того, тяжелые корабли Октавиана оказались не столь чувствительны к таранным ударам, как легкие корабли Помпея. В скоротечных схватках чаще побеждали воины Октавиана.

Победа Агриппы у мыса не была решающей, Помпей не сумел сохранить свои основные силы. Дальнейшие сражения продолжались с переменным успехом. Во время одного из таких сражений Октавиан оказался в смертельной опасности и едва спасся, корабли его были сожжены (Аппиан, У, III-II2).

Центр тяжести борьбы постепенно переносился на сушу - на территорию Сицилии, где Лепид захватил прочный плацдарм у Лаллбея. Агриппа захватила неподалеку от мыса Милн маленький городок Тиндарида, и здесь Октавиан высадил большой десантный корпус, состоявший из 21 легиона пехоты и более чем 20000 всадников. Перед этими войсками была поставлена задача очистить от врага северное побережье Сицилии и соединиться с силами Лепида.

Положение Помпея резко ухудшилось. Для него оставался последний шанс - выиграть крупное морское сражение, после которого он смог бы отрезать войска Октавиана в Сицилии и обеспечить переход стратегической инициативы к помпеянам. Такое сражение действительно произошло 3 сентября 36 г. до н.э. у Навхоха, близ мыса Милн. Несмотря на то, что помпеяны сражались с отчаянием обреченных, Помпей потерпел полное и сокрушительное поражение, решившее исход войны. Его полководцы и адмиралы спасались, кто как мог, часть флота Помпея перешла на сторону Октавиана. Сам Помпей, погрузив семью и имущество на корабль, бежал на Восток, надеясь найти у Антония если не поддержку, то, по крайней мере, сочувствие. Некоторое время он находился в Азии, где встретил дружественный прием у наместника Антония, Гая Фурния (Аппиан, У, 137). Вскоре, однако, Помпей, воспользовавшись неудачами Антония в войне с Арменией, набрал новую войско и решил вновь попытаться счастья - создать свою державу на Востоке (в изгнании возмужавший дух аристократа). Однако он потерпел поражение, и в конце концов он был вынужден сдаться царю Антиоху во Фрагии. Затем его доставили в Рим и там убили по приказу Антония. Так окончилась военная и политическая карьера

последнего из сыновей "великого" Помпея, с именем которого некоторые упрямые республиканцы связывали свои надежды на восстановление "свободной республики". На деле Помпей был политическим авантюристом, но использовавшим движение низов и поддержку демократических элементов; он добивался того же, по-видимому, чего добивались его соперники - единоличной власти.

Почти одновременно с Помпеем из большой политической игры вышел Марк Эмилей Лепид, чей авторитет все годы, последовавшие за убийством Гая Юлия Цезаря, неуклонно падал.

Бегство Помпея из Сицилии после битвы при Навлохе сделало неминуемым падение Мессаны - города, служившего главным опорным пунктом армии Помпея в Сицилии. Под этим городом стояли войска Октавиана и Лепида. Последний, располагая 14 легионами, вступил в переговоры с гарнизоном Мессаны (состоявшим из 8 легионов помпеянцев), после чего вступил в город и разграбил его вместе с помпеянами, перешедшими на его сторону. Располагая теперь 22 легионами пехоты и немалым отрядом воинов, Лепид решил овладеть всей Сицилией и с этой целью занял стратегически важные проходы, приказав своим офицерам не пропускать войска Октавиана. Так возникла угроза новой войны между Лепидом и Октавианом. Но в войсках Лепида с немалым успехом вела агитацию агенты Октавиана, Лепид же по своей беспечности не обращал на это должного внимания. Когда Октавиан, взяв с собой отряд всадников, явился в лагерь Лепида, солдаты Лепида "приветствовали его как императора" (Аппиан, У, 124). Вскоре многие солдаты Лепида, захватив с собой свои знамена, перебежали в лагерь Октавиана. Лепид попытался оказать сопротивление, но безрезультатно - все его войска перешли на сторону Октавиана (конец сентября 36 г. до н.э.). Солдаты хотели убить Лепида, но Октавиан густительно этому воспротивился: он понимал, что со стороны Лепида ему никакой опасности не грозит (Лепиду была составлена жизнь, имущество и сан Верховного понтифика). Разумеется, от полномочий триумвира ему пришлось отказаться, как и от провинции, ранее им занимаемой. Отныне он удалился в частную жизнь и был интернирован в большом городке Лангума, в Цирцеях.

Наложив огромную контрибуцию в 1600 талантов на Сицилию (солдаты требовали денег, и их услуги были нужны Октавиану), победоносный наследник Цезаря двинулся в Рим. Сенат назначил ему "безмерные почести", по выражению Аппиана (У, 130), из которых он, однако, принял не все. "На другой день Цезарь держал речь в сенате и перед народом, излагал свои дела и меры управления с начала и до настоящего времени. Записав сказанное, он выпустил это отдельной книгой" (Аппиан, У, 130). Эти слова Аппиана особенно интересны - они говорят о том, насколько важным было для Октавиана общественное мнение: выпущенная им агитационная "брошюра" содержала, вероятно, те же оценки событий, которые позже нашли отражение в его политическом завещании (Лакриская надпись). Как можно предположить на основании упомянутого памятника (Mon. Anc., 5, 1) война с Помпеем квалифицировалась им как *bellum servile* - война с рабами.

Одновременно были приняты меры по возвращению рабов их владельцам. Легионы когда-то служивших у Помпея были дислоцированы в Италии порознь друг от друга. Во все лагеря были направлены правительственные письма с указанием Октавиана вскрыть их в один назначенный день. В каждом письме содержался приказ о выдаче беглых рабов, многие из которых воевали в войске Помпея и получили свободу по предшествовавшим соглашениям с Помпеем. Эти соглашения объявлялись недействительными, рабов хватали и возвращали владельцам. Тех, которых никто не брал, Октавиан приказал казнить близ тех городов, откуда они бежали... Этими мерами Октавиан вернул себе симпатии имущих классов, прежде всего богатых рабовладельцев.

Исчезновение с политического горизонта Секста Помпея и Лепиды поставило весь Запад Средиземноморского бассейна под контроль одного человека - Гая Цезаря Октавиана. В Италии был наведен порядок, и расквартированные в различных частях страны отряды регулярных войск боролись с шайками грабителей, обеспечивая безопасность передвижения по стране. Северные границы Италии были ограждены от нападения альпийских племен. В Иллирии в течение 35 г. были нанесены удары по иллирийским племенам. Военные усилия сочетались здесь с успешными дипломатическими переговорами, и в результате дальнийтские племена вернули Октавиану захваченные ранее в боях знамена римских частей, *signa*

militaria, как он сам об этом сообщает с гордостью в своем завещании (Mon. Anc., V, 39-40).

Дела Антония на Востоке были далеко не столь блестящими, как Октавиана на Западе. Задерживался давно заманированный поход против парфян (Антоний стремился совершить то, чего не успел сделать его предшественник, покойный диктатор, и мечтал о лаврах мстителя за поражение Красса). Жизнь на Востоке, в Антиохии, с её роскошью, восточной негой и разгулом, умело поощряемая хитрой египетской царницей, не способствовала серьезным начинаниям. Вскоре, однако, Антонию представился удобный повод для вмешательства во внутренние дела Парфии, — связанный со сменой царей на парфянском престоле. Дипломатические переговоры начались по оледующему поводу. Перемены в правлении сопровождались в Парфии внутренними раздорами, массовыми убийствами лиц, принадлежавших к правящей династии. Но парфянскому царю Италий

Фраату удалось закрепиться на престоле, переговоры оказались безрезультатными, и весной 36 г. до н.э. Антоний выступил против парфян с большим войском. У него было свыше 60000 пехоты, 10000 всадников и большое количество вспомогательных войск (Плутарх, Антоний, 37). Опорным пунктом операций стала Армения, царь которой, Артавазд, выступил в поход против парфян вместе с Антонием.

Войско Антония быстро продвигалось вперед по территории Лидии и вскоре заняло Атропатену (район нынешнего персидского Азербайджана). Так как обозы тормозили успешное продвижение войск, Антоний был вынужден оставить в тылу парк осадных машин с корпусом (двумя легионами) Статиана, который их охранял. Парфянский царь воспользовался ошибкой Антония, и напав со своей тяжелооруженной конницей на римский отряд, полностью его уничтожил (осадные машины парфяне при этом изломали).

Эта неудача Антония имела далеко идущие последствия. Армянский царь Артавазд, решив, что дело проиграно, покинул ряды римской армии (Дион Кассий, 49,25,5). В конце концов, Антоний был вынужден снять осаду мидийского города Арааппы и двинулся назад в Армению, подвергаясь по пути беспрестанным атакам парфянских отрядов. Только то, что Антоний отступал по гористой местности, где применение тяжелой парфянской конницы было не-

труднено, спасло его армию от судьбы армии Красса. В Армению Антоний вернулся с большими потерями. Они составили около 20000 пехотинцев и до 4000 всадников, по словам Плутарха (Антон, 50), погибших от парфянских стрел, голода, холода и болезней. Вместо того, чтобы дать своим войскам отдых в Армении, Антоний поспешил перевести свое войско в Сирию, потеряв по пути ещё 8000 человек.

Неудача парфянского похода особенно распала Антония. Всю ответственность за неудачу он отстранился возложить на действия армянского царя. Чтобы его наказать, он задумал осуществить поход в Армению. Для этой цели он заключил союз с мидийским царем и вскоре вместе с ним начал поход против армян. Одновременно велась и дипломатические переговоры с армянским царем. В ходе этих переговоров Антонию удалось заманить Артавазда в засаду и в оковах привезти его в Александрию. Там Артавазд был проведен в стовах в триумфальном шествии Антония и затем убит.

Между тем, Гай Цезарь Октавиан искусно подогревал в Риме враждебные Антонию настроения, и, выступая перед сенатом и в народных собраниях, разоблачал его политику на Востоке, как враждебную интересам римского народа. То, что Антоний справлял триумф над Арменией не в Риме, а в Александрии, давало его врагам повод утверждать, будто Антоний в угоду Клеопатре стремится сделать столицей государства не Рим, а Александрию. Бросались в глаза различия в поведении обоих триумвиров. Октавиан, зачислял в свой актив умиротворение Италии и всего западного Средиземноморья, вел скромный и простой образ жизни римского администратора и усиленно подчеркивал свою верность староримским идеалам. Когда к концу 34 г. до н.э. всем стало ясно, что разрыв неизбежен, Октавиан стал усиленно подчеркивать свою благожелательность в отношении римских граждан, а все его правление стало носить умеренный характер. Это было ловким тактическим шагом⁶.

Напротив, Антоний вел себя как восточный владыка, перенимая обычаи и роскошь восточного двора. В переполненном доотказа

6 Вальтер Вили (Wili W. Herz und die augusteische Kultur. Basel, 1948, S.138) наивно усматривает в этом перемену в характере Октавиана в сторону большей мягкости и лояльности (Wandlung zur Milde).

александрийском гимназии Антоний устроил спектакль раздела своей империи между сыновьями, которых ему родила Клеопатра. Старшего сына Антоний вывел в мидийском уборе с тварой на голове (головным убором, который носила персы). Другой сын, Птолемай, выступал в македонском плаще и украшенной драгоценной кавсией (головном уборе македонян): ему предназначались Сирия и Киликия. Царство Кирена передавалось дочери Клеопатре, Александр был помолвлен с дочерью мидийского царя Истапой, и ему предназначалась вся Армения, к которой должна была быть присоединена после завоевания Парфия вместе с Мидией. Саму эгипетскую царицу Клеопатру Антоний провозглашал властительницей Египта, Кипра, Африки и Келесарии (Плутарх, Антоний, 54). Это особенно вызвало возмущение в Риме. В глазах патристически настроенных римлян действия Антония походили на государственную измену, поскольку владения римского народа, завоеванные его солдатами, передавались восточным царькам. Недовольство усиливалось ещё и тем, что Антоний потерпел поражение от парфян.

Однако и Антоний вел в Риме активную пропаганду, направленную против Гая Цезаря Октавиана. Плутарх в биографии Антония (55) сохранил для нас основные обвинения, которые выдвигал против Октавиана Антоний: присвоение Сицилии, часть которой должна была быть передана Антонию, захват флота, который Октавиан должен был возвратить после войны с Секстом Помпеем, лишение власти Лепида без согласия Антония. Наконец, Октавиану вменялось в вину то, что земли в Италии предоставлялись лишь солдатам Октавиана, войнам же Антония не было выделено никаких участков. Последнее обвинение было рассчитано на то, чтобы возбудить недовольство против Октавиана в легионах, находившихся под командованием Антония.

1 января 33 г. до н.э., вступая в свое второе консульство, Гай Цезарь Октавиан произнес в сенате речь, открыто направленную против Антония. В известной мере повторялась ситуация, возникшая в свое время при конфликте между Цезарем и Помпеем, в самом начале гражданской войны между ними. В Риме находились в немалом количестве сторонники Антония, и даже консулы 32 г. (Тит Сосий и Гней Домиций Агенобарб) принадлежали к их числу (оба они были обязаны Антонию своей карьерой). Чтобы привлечь симпатии все ещё сильной республиканской партии, Антоний при-

слаи в сенат письмо, в котором предлагал отказаться от полномочий триумвира (в связи с истечением срока триумvirата), но с тем условием, чтобы это же сделал Октавиан (Дион Кассий, 49, 41, 6). Переписка велась и между обоими триумвирами, но на все предложения Антония Октавиан отвечал отказом.

Провозглашалась новая перегруппировка сил, и сторонники Антония покидали Рим, направляясь на Восток. Октавиан им в этом не препятствовал (Светоний, Август. 17).

Уже находясь в Армении, Антоний получил письмо от Октавиана, из которого стало ясно, что столкновение неминуемо. Антоний немедленно отдал приказ своим 16 легионам двигаться к морю, а сам с Клеопатрой прибыл в Эфес, где собирался его флот (Плутарх, Антоний 56). Формальным признаком разрыва было письмо, которое Антоний отправил своей жене Октавии, сестре Октавиана: ей предписывалось покинуть дом Антония в Риме. Разрыв стал совершившимся фактом к лету 32 г. до н.э. К этому времени брак между Антонием и Клеопатрой получил юридическое оформление.

Ошибки, совершаемые Антонием, его связь, а позже и брак с Клеопатрой делали все более правдоподобными слухи, распространявшиеся агентами Октавиана, будто Антоний собирается превратить Италию в провинцию Египта — что, конечно, было явной бессмыслицей⁷.

В борьбе против консулов, сторонников Антония, Октавиан ещё раз показал, на что он способен. С отрядом солдат он вошел в сенат и занял место между консулами⁸. Сенат, в котором большинство состояло из его сторонников, послушно принял ряд постановлений, лишавших Антония империи и объявлявших его врагом отечества.

В то время как консулы 32 г. вместе с рядом сенаторов и друзей Антония покидали Рим, туда прибывали сторонники Октавиана, бежавшие от Антония. В их числе были Луций Мунаций Планк и Марк Титий. Чтобы показать, что они прибыли не с пустыми руками, они поставили Октавиана в известность относительно содержания заве-

7 Rostovtzeff M. The social and economic history of the Roman Empire. Oxford, 1926, p. 29.

8 "Это был новый государственный переворот" (coup d'etat), открытое с началом войны", так оценивает эти события Пьер Грималь (Grimal P. Le siècle d'Auguste. Paris, 1965, p. 38).

шания, которое Антоний передал на хранение весталкам в Риме. Октавиан не без труда добыл его текст и предал его гласности. Там объявлялось, что наследниками Антония являются Клеопатра и его дети от Клеопатры. Тело его должно было быть похоронено в Александрии. Так были получены документальные доказательства того, что Антоний забыл о своем гражданском долге римлянина (Светоний, Август, 17). Это заявление было прочтано в сенате и на форуме при большом стечении народа. Естественным следствием явилось лишение Антония полномочий, "которые он уступил и передал женщине" (Плутарх, Антоний, 60).

Однако война была объявлена Клеопатре, как узурпатору, присвоившему достоинство римского народа. Это было характерным жестом тонкого политика, каким и являлся Октавиан, жестом, который должен был показать всем, что гражданские войны, крайне не популярные в народе, давно закончились. Мы видели выше, что война против Секста, Помпея официально квалифицировалась как война против беглых рабов. Враждебный Риму Египет все ещё сохранял самостоятельность, и Октавиан старался внушить всем мысль, что предстоит наказать внешнего врага.

Чтобы изыскать средства для ведения новой войны, Октавиан прибегнул к новым чрезвычайным сборам и налогам. Все свободнорожденные римляне должны были внести в казну четверть своих доходов, а вольноотпущенники - восьмую часть своего имущества (Плутарх, Антоний, 58).

Противники вступали в борьбу, располагая огромными силами. Согласно Плутарху, у Антония было не менее 500 кораблей, 100000 пехотинцев и 12000 всадников; у Октавиана - 250 кораблей, 80000 пехотинцев и столько же всадников, как у Антония (Плутарх, Антоний, 61). Однако величина флота и армия, сама по себе, не являлась решающим фактором. В войнах древнего мира особо важное значение имел моральный дух войск, преданность делу, за которое воины сражались, боевая организация и подготовка, воинская дисциплина. Как сообщает Плутарх, во флоте Антония не хватало гребцов, а сами корабли Антония из-за огромных размеров, которые они имели, отличались плохой маневренностью, которая играла такую огромную роль в морских сражениях древности. Серьезные недостатки имелись в организации сухопутного войска Антония, не хватало опытных офицеров. Сам Антоний по-прежнему проводил время в празднествах и различного ро-

да увеселениях, собрав на Самосе, где он находился в данное время, огромное количество актеров. Остров "много дней подряд оглашался звуками флейт и кифар, театры были полны зрителей и хоры усердно боролись за первенство..." (Плутарх, Антоний, 56).

Гай Цезарь Октавиан готовился к последней решающей схватке с крайним напряжением сил. Огромную роль в руководстве подготовкой к военным действиям сыграл Марк Випсаний Агриппа, опытный полководец и личный друг Октавиана, отличившийся еще во время войны с Секстом Помпеем. Экипажи судов проходили всестороннюю боевую выучку, готовились к сражениям и сухопутные войска. Насколько ответственный и решающий характер должна была иметь предстоящая война видно из той меры, к которой прибегнул Октавиан: вся Италия должна была присягнуть ему на верность, вместе с провинциями Галлией, Испанией, Африкой, Сицилией и Сардинией. От присяги была освобождена лишь жителя Бононии - давние клиенты рода Антокиев (Светоний, Август, 17). Этот жест должен был показать, насколько Октавиан верен древним римским традициям, освящавшим отношения между патронами и клиентами. Ему присягнули свыше 700 сенаторов, как об этом мы узнаем из Анкирского памятника (Mon. Ancur., 5, 3 - 7).

В начале 31 г. до н.э. Октавиан вступил в свое третье консульство и с этого момента занимал консульскую должность без перерыва до 23 г. до н.э. Причина заключалась в том, что помощия триумвиров истекли в 32 г. до н.э. (фактически триумвират прекратил свое существование гораздо раньше), поэтому консульская должность казалась Октавиану в этот момент наиболее подходящий конституционной магистратурой, которой он смог бы воспользоваться для юридического оформления своей единоличной власти в Риме и Италии. Помимо этого, консульская должность давала ему тот камуфляж легитимности в духе старых республиканских традиций, которого лишен был Антоний.

Оставаться в Риме в условиях приближающейся смертельной схватки Октавиан не мог. Оставив в Риме вместо себя Гая Циль - ния Медената, он отправился на Восток, который должен был стать театром военных действий.

Весной 31 г. до н.э. флот Октавиана оккупировал западные побережья Греции и захватил Эпир. Войско и флот Антония в это время бездействовали у Амбракийского залива, близ мыса Акий.

В ходе разгоравшихся военных действий армия Гая Цезаря Октавиана захватила Патры и Коринф. В рядах сторонников Антония царила неуверенность, многие перебежали на сторону противника. Среди них оказался и бывший консул Гней Домиций Агенобарб (Плутарх, Антоний, 63). Антонию приходилось торопиться о генеральном сражении, так как время работало против него; кроме того, снабжение его войск провизантом было затруднено эскадрами противника, блокировавшими порты, а Греция была совершенно потеряна. На военном совете у Антония возобладало мнение Клеопатры, настаивавшей, чтобы генеральное сражение было дано на море (по мнению Плутарха, она заранее "высматривала себе дорогу к бегству" - Антоний, 63). Сам Антоний, по-видимому, понимал, что главный шанс на победу заключался в верных ему легатонах.

Морская битва при мысе Акций началась 2 сентября 31 г. до н.э. Агриппа, командовавший флотом Октавиана, попытался охватить фланги боевых порядков Антония и тем самым заставить его адмиралов перейти к оборонительным действиям. Сражение длилось около суток. Тяжелые корабли Антония не могли набрать скорость, необходимую для того, чтобы таранить вражеские суда. Битва начинала походить на сухопутную. По словам Плутарха, в дело шли осадные навесы, метательные колья, рогатины и огнеметы (Плутарх, Антоний 66).

Исход битвы был далеко ещё не predetermined, как вдруг корабли Клеопатры (около 60 судов, по данным Плутарха) совершили резкий маневр и, пользуясь попутным ветром, направились к Целопоннесу. Увидев это, Антоний забыл свой долг воина и полководца, бросившись на своем корабле вдогонку за Клеопатрой. Красноречивую оценку его поведению дает Плутарх: "Вот когда Антоний яснее всего обнаружил, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, и, вообще не владеет собственным разумом, но - если вспомнить что-то шутку, что душа влюбленного живет в чужом теле - словно бы сросся с этой женщиной и должен следовать за ней везде и повсюду. Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь слугица Алекса и Селлания, погнался за той, что уже погибла одна и вместе с собой готовилась сгубить и его".

(Антоний, 66). На всем протяжении морского сражения сухопутные войска противников оставались безучастными зрителями происходящего.

По приказу Антония его легат, Публий Канадий Краос, должен был отвести легионы в Азию, но приказ этот, по-видимому, не достиг цели, а если и достиг, то не был выполнен. Канадий, последовав примеру Антония, тоже бежал, а легионы, постояв некоторое время без командиров (они ожидали приказа четыре дня), сдались на милость победителя и были присоединены к его войскам.

Позже на месте, где находился лагерь легионов Гая Цезаря Октавиана, был построен город, названный Никополем ("Победоградом"). В память об Актийской победе у храма Аполлона, находившегося на Актийском мысу, были учреждены игры, которые должны были там происходить каждые пять лет. Из остатков судов, побежденных в этом сражении, победителя воздвигли пышный трофей, посвященный Нептуну и Марсу.

Уже древние историки прекрасно понимали значение победы, одержанной Гаем Цезарем Октавианом, и этот день считали началом новой эры в истории Рима — эры империи⁹. Уничтожение остатков армии Антония, бежавшего вместе с Клеопатрой в Египет, могло быть делом лишь нескольких месяцев, а действительно, летом 30 г. Египет после слабого сопротивления был занят войсками Октавиана Цезаря. Антоний и Клеопатра покончили самоубийством, и у Рима появилась новая провинция, находившаяся в личном управлении императора. Египет вошел в состав огромной Римской империи и стал немалой подмогой новому режиму: отсюда император в больших количествах вывозил хлеб, столь необходимый, чтобы подкармливать вечно голодный римский плебс.

Бойна между Октавианом Цезарем и Антонием была последней гражданской войной в римской республике и подвела итог более ранним, длившимся около столетия. Победу одержал Октавиан, так как за ним стояло подавляющее большинство населения Рима и Италии, видевшего в нем защитника национальных интересов.

⁹ *Maximi discriminis dies* — Так называет этот день Веллей Питеркул (II, 85).